

355.48

ЛБ

С. 53

Р 182629

В. А. Снегирёв

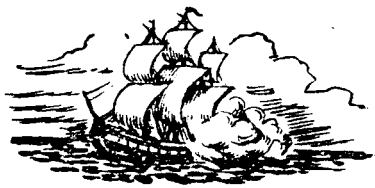

Русский флот
в
СРЕДИЗЕМНОМ
МОРЕ
(1798-1800 гг.)

*

Огиз Госполитиздат
1944

АДМИРАЛ УШАКОВ

В. Л. Снегирёв

РУССКИЙ ФЛОТ
В
СРЕДИЗЕМНОМ
МОРЕ

ПОХОД
АДМИРАЛА УШАКОВА
(1798—1800 гг.)

182629

ОГИЗ

*Государственное издательство
политической литературы*

1944

355.48 92 умаруб
С-53

1

Необычайное оживление царило в Стамбуле (Константинополь) в августе 1798 г.: к берегам Босфора приближалась русская боевая эскадра.

Не прошло ещё и десяти лет с окончания победоносной для России русско-турецкой войны (1787—1791), в результате которой были отвоёваны причерноморские области, в древности принадлежавшие русскому народу. Блестящие победы Суворова на суше были подкреплены тогда не менее блестящими победами адмирала Ушакова на море. Сражения в Керченском проливе, при Фидониси, Тендре и Калиакрии окончательно сломили морские силы Турецкой империи. Особенное значение при этом имело сражение при Калиакрии (1791). Жалкие остатки разбитого султанского флота принесли тогда в Стамбул страшную весть о том, что грозный Ушак-паша (как звали Ушакова турки) уже подходит к Босфору. На самом деле это было не так. Но одно лишь известие об этом заставило ещё недавно заносчивого султана Селима III немедленно же послать гонца к русскому главнокомандующему князю Потёмкину с просьбой о мире. Великое смятение пережил в те дни Стамбул.

Теперь, в 1798 г., оживление в Стамбуле носило совсем иной характер. Со времени последней русско-турецкой войны международная обстановка резко изменилась, а вместе с тем изменились и взаимоотношения между Россией и Турцией: русская эскадра, приближавшаяся к Босфору во главе с вице-адмиралом Ушаковым, не имела враждебных намерений по отношению к Турции.

В 1796 г. начались завоевательные походы французского генерала Бонапарта, будущего императора Наполеона. Порабощение им целого ряда давно сложившихся крупных, жизнеспособных национальных государств Европы превратило войны великой Французской революции, начавшиеся, как национальные, в «империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (*Ленин*). Нанеся ряд тяжёлых поражений Австрии, Бонапарт завоевал северную Италию, бывшую под властью австрийцев, затем захватил Ионические острова и ряд крепостей в Албании — владения Турции на западном побережье Балканского полуострова (Бутринто, Парга, Превеза, Вонница).

В следующем году Бонапарт приказал арестовать русского консула на Ионических островах и запретил населению островов под страхом смертной казни вступать в какие-либо сношения с Россией.

По пути в Египет Бонапарт захватил очень важный в стратегическом отношении остров Мальта, находившийся под особым покровительством русского царя Павла I.

Таким образом, для России создавалась угроза вторжения Наполеона на Ближний Восток. Одно время возникло опасение, что Турция может вступить в военный союз с Бонапартом с целью вернуть себе всё утраченное ею на Чёрном море. Но вскоре выяснилось, что свой первый удар Бонапарт направил на Турцию: высадившись в Александрии с экспедиционной армией, он быстро завладел Египтом, входившим в состав Турецкой империи. В связи с этим уже не приходилось опасаться возможного союза между Турцией и Францией; напротив, теперь первая из них могла стать для России полезным союзником.

И действительно, захват Египта Бонапартом превратил тогда Турцию в непримиримого врага Франции. Султан Селим, уstraщённый победами французов, обратился за помощью к Павлу. Но ещё до этого, как только русское правительство узнало о враждебных действиях Бонапарта в отношении России, Ушакову было предписано безотлагательно проследовать с порученной ему эскадрой к Босфору и предложить султану всемерную помощь русского флота, где бы Турция этого ни пожелала.

В середине августа 1798 г. эскадра Ушакова, обменявшись салютами с крепостными батареями, покинула Севастопольский рейд¹ и взяла курс на Босфор. Под началь-

¹ *Рейд* — водное пространство у берегов, представляющее собой удобную якорную стоянку для судов.

ством Ушакова, поднявшего свой флаг на корабле «Св. Павел», состояло 6 кораблей, 7 фрегатов¹ и 3 брига² с 792 орудиями и командой из 7 132 человек, в том числе 1 500 человек морской пехоты. Силы эти, по сравнению с предстоящей эскадре задачей, были незначительны, но, как замечает по этому поводу один из участников похода, капитан-лейтенант Метакса, «корабли сии были лучшие из флота, люди и матросы отборные, корпус офицеров отличнейший; все они не один уже раз бывали в деле, а большая часть из них воспитана и обучена, можно сказать, самим адмиралом».

В качествах личного состава русской эскадры лежал залог победы. Ушаков возродил на Чёрном море славные традиции петровских времён и создал так называемую «ушаковскую школу» моряков. Боевая и морская выучка людей, их стойкость, сознательность, их готовность к подвигам, невзирая ни на какие преграды,—таковы черты, которые непобедимый адмирал ревностно воспитывал в своих подчинённых. «Ушаковцы» ничем по выучке не уступали английским морякам, считавшимся тогда лучшими в мире, и вместе с тем превосходили их в том отношении, что не были наёмниками, как английские. Русские солдаты всегда служили родине, отдавали за неё свою жизнь не из-за платы, а из чувства высокого патриотизма.

Ушаков безгранично верил в своих моряков; они в свою очередь верили в его умение руководить ими, в знание им своего дела и потому без тени колебания шли за ним на самые рискованные предприятия. Но матросы не только верили своему адмиралу, неизменно водившему их к победам, они и любили его. Сын захолустного, бедного помещика, Ушаков до шестнадцатилетнего возраста жил в глухой деревушке среди крестьянских ребят, не так уже сильно отличаясь от них не только образом своей жизни, но и «костюмом». Сам он нисколько не стыдился рассказывать впоследствии о том, что приехал в Петербург для поступления в Морской корпус, по его собственному выражению, «в лапотной одежде». Ушаков, «лапотный дворянин», по настоящему знал и умел ценить простых русских людей. Он понимал и считался с душевным состоянием молодого крестьянина, призванного во флот на тяжёлую службу, по тогдашним срокам фактически навсегда отрывавшую матрос-

¹ Фрегат — парусный трёхмачтовый военный корабль.

² Бриг — двухмачтовое парусное судно, снабжённое прямыми парусами.

са от родной семьи и деревни. Ушаков любил своих матросов. Неумолимо взыскательный в вопросах дисциплины, он в то же время отечески относился к матросам, заботился об их здоровье, питании, одежде. Суровый воин, он всегда находил для них участливое слово, никогда не забывал в своих официальных донесениях отметить их мужество и самоотверженность, подчёркивая, что именно их поведение обусловило победоносный исход того или иного сражения.

Но если личный состав ушаковской эскадры не оставлял желать ничего лучшего, то состояние кораблей в то время было далеко не на высоте. Сам Ушаков перед выступлением в поход доносил адмиралу Кушелеву, что «корабли и фрегаты в прошлую войну строились с величайшей поспешностью, только чтоб поспевали на военное дело, и от такого поспешного построения не так крепки, а часто и многие гнилости уже в членах показываются. Артиллерия на всей эскадре весьма тяжёлая, посему,—подчёркивал адмирал,—всегда, когда хожу я на море, стараюсь для сохранения судов избегать крепких ветров». К этому следует заметить, что перед отправлением в продолжительную кампанию эскадра Ушакова провела в крейсерстве около трёх месяцев, часто подвергалась штормам, вследствие чего снаряжение для долгого плавания имела во многом недостаточное.

Таким образом, главная надежда на победоносный исход похода, целью которого являлось очищение Ионических островов от французов и содействие англичанам в отвоевании Мальты, возлагалась на личный состав эскадры, на её матросов, офицеров и самого адмирала.

На берегах Босфора Ушакова и его славных соратников ожидал торжественный приём. С береговых батарей, украшенных русскими и турецкими флагами, гремели салюты. Всё население Стамбула, начиная с самого султана, восторженно встретило русский флот. Европейский и азиатский берега Босфорского пролива были покрыты толпами. При высадке русского адмирала на сушу воздух снова задрожал от салютов с корабля капудан-паши (генерал-адмирал).

Ночью султан Селим, переодетый, чтобы не быть узнаваемым, в боснийское платье, обошёл на каике (лёгкое судно) русскую эскадру; он хотел вблизи посмотреть русские корабли, сокрушительного натиска которых недавно не выдержал его флот, построенный и оборудованный по последнему слову военно-морской техники западно-европейскими инженерами.

Турецкое правительство не замедлило официально уведомить Ушакова, что Турция уже объявила о разрыве сношений с Францией.

Селим наградил Ушакова золотой табакеркой, богато украшенной алмазами, «за скорый приход со флотом» и приказал раздать русским матросам 2 тысячи турецких червонцев (6 тысяч рублей, считая на золото). Жители Стамбула всячески стремились выразить своё уважение русскому флотоводцу. Повсюду, где бы он ни появился, безмолвно расступались перед Ушак-пашой и его спутниками толпы народа; почтительно, не без затаённого страха взирали турки на того, кто столько раз наносил страшные поражения султанским эскадрам.

Правительство султана, оказывая полное доверие русскому адмиралу, не скрывало от него недостатков своего флота и во всём спрашивало мнения и совета Ушакова. Тщательно осмотрев султанскую, отныне союзную, эскадру, Ушаков остался ею доволен. «Все корабли и фрегаты, — доносил он Павлу, — обшиты медью, и нынешнее состояние их нахожу, хотя не совсем совершенно против европейских флотов, но против прежнего несравненно лучше, а частично и в настоящем порядке». Зато командный состав султанской эскадры был весьма плох: офицеры были весьма мало сведущи, а что касается недавно набранных матросов, то они представляли собой нестройное собрание людей, не признававших дисциплины.

За время стоянки русской эскадры на Босфоре былработан предложенный Ушаковым план русско-турецких операций против французов на Средиземном море. Сравнительная близость баз союзного флота к предстоящему театру военных действий делала возможным освобождение от оккупации Ионических островов, греко-славянское население которых было на стороне русских. С освобождением островов Турция могла изгнать французов из крепостей, занятых ими на Албанском побережье, а эскадра английского адмирала Нельсона, блокировавшего тогда французскую армию в Египте, получить необходимую поддержку. Тогда же был подписан договор между Россией и Турцией, согласно которому последняя, между прочим, обязывалась не пропускать во время войны в Чёрное море ничьих военных судов, кроме русских.

В сентябре к русской эскадре в Дарданеллах присоединилась турецкая, состоявшая в общей сложности из 28 судов, в том числе 4 линейных кораблей. Во главе турецких сил

был поставлен боевой моряк Кадыр-бей, которому султан предписал полностью подчиняться всем распоряжениям Ушакова и «почитать его как учителя».

Покинув Дарданеллы во главе союзной эскадры, Ушаков после недолгой остановки у острова Хиоса послал вперёд к Ионическим островам с двумя фрегатами капитан-лейтенанта Шостака. Ему было поручено оповестить население архипелага о том, что русский флот идёт к нему на помощь, и распространить на островах написанное по этому поводу Ушаковым обращение.

В конце сентября русско-турецкая эскадра подошла к острову Цериго, избранному Ушаковым в качестве первоначального объекта военных действий.

2

Ионические острова — Корфу, Занте, св. Мавры, Кефалония, Цериго, Итака — всегда имели огромное стратегическое значение. Запирая вход в Адриатическое море, они вместе с тем являются как бы мостом между южной Италией и Балканским полуостровом. В древности Эпир¹ и Рим, в средние века Византия и Неаполь, позднее Венеция и Турция только после отчаянной борьбы уступали один другому власть над этим архипелагом. Наполеон, мечтавший о грандиозных завоеваниях в Азии, считал, что Ионические острова как подступ на Восток имеют для Франции большее значение, нежели вся Италия.

На главных островах архипелага имелись крепости. Они достались французам без кровопролития: в 1797 г. Ионические острова, принадлежавшие Венецианской республике, отошли по Кампоформийскому договору к Франции.

Военные действия русских на островах архипелага начались ещё до прибытия Ушакова. Высланный им вперёд капитан-лейтенант Шостак, став на якорь у острова Цериго, открыл по крепости огонь. Французы, не отвечая на огонь, спустили флаг, а когда с фрегата высадился десант, бросились спасаться в Капсалу, главную цитадель острова, расположенную на вершине почти отвесной горы. Здесь, за высокими, крепкими стенами, французский гарнизон приготовился к упорной защите.

Тем временем к Цериго подошла союзная эскадра. Ушаков, ознакомившись с общей обстановкой, приказал усилить

¹ Северо-западная область древней Греции, теперь — южная часть Албании.

десант, начальство над которым было поручено Шостаку. Нелегко было десанту подойти к крепости, расположенной в гористой, изрезанной ущельями и оврагами местности. С чрезвычайными трудностями перетаскивали на руках русские матросы орудия и боеприпасы. Достигнув крепости, Шостак устроил две батареи и, не открывая огня, предложил французам капитулировать; они отказались.

Начался обстрел Капсалы, на следующий день подкреплённый орудийным огнём с двух судов. Крепостные стены рушились, противник нёс большой урон, но продолжал сопротивление. Тогда Ушаков приказал штурмовать крепость, и картина сразу переменилась: увидев приготовления к штурму, французы выкинули белый флаг. Русскому офицеру были поднесены ключи от крепости, знамя и сдана 31 пушка. Условия капитуляции были для французов очень мягкие: после того как они положили оружие перед строем русских моряков, им было разрешено возвратиться на родину с обязательством: солдатам не участвовать в войне в течение года, а офицерам — до конца войны.

Так была одержана русскими первая победа в борьбе с Наполеоном. Гром ушаковских орудий у острова Цериго ознаменовал начало тех войн России с Францией, которые через ряд сражений привели в 1814 г. победоносные русские войска к стенам Парижа¹.

Весть о приходе русской эскадры давно уже облетела весь архипелаг, вызвав ликование угнетаемого местного греко-славянского населения, составлявшего на островах большинство. Ушаков, оставив на острове Цериго небольшой русско-турецкий отряд, отправился к острову Занте, по своему значению второму после Корфу. Пять береговых батарей острова были быстро сбиты огнём корабельных орудий, и противник укрылся в горной крепости. Предложение капитулировать было отвергнуто. Адмирал приказал штурмовать крепость, но дело до этого не дошло. Так же как и на Цериго, комендант крепости, увидев приготовления к приступу, предпочёл сдаться. Объясняется это тем, что противник боялся рукопашного боя, боялся неудержимого натиска русских¹ солдат, одинаково сокрушительного

¹ Это была не первая победа русского флота в Средиземном море. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда главные операции происходили на Чёрном море, русская балтийская эскадра, обогнув Европу, нанесла Турции ряд тяжёлых поражений в Средиземном море. 26 июля 1770 г. русские совершенно уничтожили весь турецкий флот, укрывшийся в Чесменской бухте. Эта победа имела большое значение при заключении победоносного для России мира.

как на суше, так и на море. В то время у всех ещё свежи были в памяти различные подробности русско-турецкой войны 1787—1791 гг., в особенности падение на Дунае турецкой крепости Измаил. С полным основанием Измаил считался тогда неприступным. А между тем Суворов всего лишь после восьмидневных приготовлений взял Измаил после штурма, не имеющего примера в летописях военной истории. Падение Измаила — сильнейшей крепости в Европе — произвело такое потрясающее впечатление, что много спустя английский поэт Байрон писал по этому поводу следующее:

Пал Измаил; он пал, как дуб могучий,
Взлезающий веками великан,
Что вырвал с корнем грозный ураган...

Теперь, страшась подобного «урагана», французский комендант на острове Занте счёл за лучшее капитулировать. Победителям достались 491 пленный, 62 пушки, большие запасы пороха и знамёна.

На следующий день русский флотоводец с многочисленной свитой съехал на берег и был встречен населением выражениями самого горячего, неподдельного восторга. Приближение адмиральского катера приветствовалось колокольным звоном и ружейной стрельбой; дома были украшены русскими флагами, под ноги Ушакову расстилали ковры, бросали цветы, женщины плакали, дети целовали руки у офицеров и матросов.

Угнетённое население Ионического архипелага воспрянуло духом, как только узнало о выходе русской эскадры в Средиземное море. Теперь жители островов стремились активно содействовать своим освободителям: они помогали им при высадке десантов, служили в качестве проводников. На острове Кефалония местные жители ещё до прихода отряда капитана Поскочина сами обезоружили часть французского гарнизона, а затем передали пленных на русские суда. Остальные французы, выбитые из батарей и крепости, рассеялись по горам и ущельям. Они быстро сложили оружие. Всего на острове Кефалония было взято в плен 208 человек, в том числе 11 офицеров; в качестве трофеев нам достались 56 пушек, 65 бочек пороха и свыше 2 500 ядер и бомб.

Но на острове св. Мавры, на который имел большие виды властолюбивый Али-паша, правитель Янинского округа (в нижней Албании), французы оказали стойкое сопротивление. Для завоевания этого острова Ушаков отправил

отряд под начальством капитана Д. Н. Сенявина, своего наиболее талантливого соратника. Сенявин принимал участие в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и, несмотря на свою молодость (он окончил морской корпус в 1780 г.), совершил ряд подвигов. Так, когда в 1787 г. жестокий шторм застиг эскадру контр-адмирала Войновича у берегов Румелии и адмиральский корабль, на котором открылась течь, казалось, погибал, все потеряли головы и уже готовились к неизбежной смерти. Один Сенявин сохранил присутствие духа. Он сам отрубил ванты (снасти), державшие сломанную мачту у борта, ободрил ошеломлённых матросов, собрал с помощью матросов кадки, вёдра, словом всё, чем можно отливать воду, заменил ими испорченные помпы и, усиленно работая несколько часов подряд, задержал прибыль воды. Тем временем наскоро поправили помпы, и адмиральский корабль, хотя и сильно повреждённый, благополучно дошёл до гавани. В следующем году, командуя по поручению Потёмкина пятью мелкими судами, Сенявин истребил у северных берегов Малой Азии 12 турецких транспортов и один, нагружённый богатой добычей, привёл в Севастополь. За этот подвиг он был награждён орденом Георгия 4-й степени. В 1789 г. он опять, по поручению Потёмкина, при котором состоял в должности флигель-адъютанта, провёл из Днепра в Севастополь, мимо стоявшего у Очакова турецкого флота, новопостроенный корабль «Св. Владимир», за что получил орден Владимира 4-й степени с бантом. В 1791 г., находясь в эскадре самого Ушакова, он принял непосредственное участие в победоносных сражениях великого флотоводца¹.

Ушаков, по заслугам оценивший деятельность Сенявина на Чёрном море, теперь именно его и назначил для операций против острова св. Мавры.

Отступив в сильную крепость, со всех сторон окружённую водой (морем и широкими рвами), французы отказались капитулировать. Снова пришлось русским матросам на руках перетаскивать орудия по едва проходимым тропинкам. Под непрерывным огнём неприятельских пушек были сооружены три батареи и начался обстрел крепости. Осада продолжалась девять дней. 300 французских солдат отважились сделать вылазку, но, отбитые с большим уроном, бежали обратно в крепость. С прибытием Ушакова русские моряки стали энергично готовиться к решительной

¹ Д. Н. Сенявин впоследствии в чине вице-адмирала прославился своими победами на Средиземном море во время войны с Турцией (1806—1807).

атаке. И опять всё по той же причине, что и на острове Цериго, дело не дошло до штурма.

«Столь примерная неустрашимость, — писал один из участников осады, — деятельность и терпение, «невиданные французами ни в одном из народов, с какими они до сего времени вели войну, привели их в изумление и заставили их прибегнуть к переговорам». Французы сдались на тех же условиях, какие были предложены Ушаковым на островах, освобождённых до того русскими. На острове св. Мавры победителям достались 59 орудий, 817 ружей, бомбы, порох и месячное продовольствие на 600 человек.

Итак, в короткий срок — всего лишь в течение шести недель — были освобождены четыре больших острова, на которых Ушаков предоставил полную свободу выборным местным управлениям, поставив их под защиту небольших русско-турецких отрядов. За это время противник потерял 1300 военнопленными, 44 убитыми, 100 ранеными и 202 орудия разных калибров. Потери со стороны русских исчислялись 2 убитыми и 6 ранеными. Победы русского флота явились следствием героизма и самоотверженности русских моряков и флотоводческого таланта самого Ушакова. Определённую роль, по свидетельству Ушакова, сыграла также и приверженность к России местного населения, угнетённого французскими властями.

Действительно, режим, установленный французами на островах, был очень тяжёл; подобно тому как в самой Италии, захватчики вывозили с островов различного рода ценности, уничтожили многие общественные должности, существовавшие при венецианцах, обложили население большими налогами, постоянно требовали исполнения натуральных податей, производили частые реквизиции продовольствия у крестьян и т. д. Вообще французы вели себя на Ионических островах не как в стране, присоединённой по мирному договору без сражений на её территории, а как в стране порабощённой, подлежащей самой грубой эксплуатации.

Такая политика, разумеется, заставила жителей архипелага возненавидеть французов и с надеждой взирать на русских.

Однако блестящий результат первых русских побед по существу был всё же только вступлением: впереди предстояло ещё освобождение острова Корфу — «столицы» Ионического архипелага.

Если Ионические острова в совокупности можно назвать «мостом», или «воротами» на Балканский полуостров, то «ключом» от этих «ворот», несомненно, является остров Корфу, в древности Керкира. Владевший Корфу — владел всем архипелагом. К тому же, отделённый от материка проливом всего лишь от 2 до 8 километров шириной, остров Корфу господствует и над соседним с ним Албанским побережьем.

Выгодное положение Корфу на торговых путях сообщения западных стран с Востоком, его исключительное плодородие и благоприятные природные условия издавна привлекали к нему внимание. В связи с этим в конце XVIII века население острова, занимающего площадь около 600 квадратных километров, насчитывало 60 тысяч человек.

Народы, издавна и посменно владевшие Корфу, прекрасно понимали его стратегическое значение, благодаря чему укрепления острова создавались веками. В XII веке венецианские инженеры возвели на острове первоклассную крепость; с течением времени эти укрепления значительно увеличились и усовершенствовались. Флот Венецианской республики всегда находил здесь безопасное для себя убежище при отражении турок, делавших неоднократные попытки завоевать Корфу. В последние годы XVIII века французские инженеры «истощили всё своё искусство», укрепляя Корфу.

В описываемое нами время крепость острова состояла собственно из пяти укреплений, обнесённых мощными гранитными стенами и расположенных следующим образом: к востоку от города, окружённого двойным валом с глубоким сухим рвом, находилась на крутом утёсистом мысе старая крепость; непосредственно от города её отделял очень широкий канал, благодаря чему она представляла собой островок. К западу от города лежала новая крепость, с укреплениями, высеченными в скале, с подземельями и тайными ходами; эта крепость состояла в свою очередь из трёх укреплений (св. Авраама, св. Рока и св. Сальвадора). Все перечисленные укрепления были расположены так, что противник, овладев одним из них, неминуемо попадал под обстрел других.

Помимо монументальных крепостей Корфу с моря защищали укреплённые острова Видо и Лазаретто; на первом из них находилось пять батарей. Береговую охрану Корфу несли корабли, стоявшие в гавани: 74-пушечный линейный

«Женере», 50-пушечный линейный корабль «Леандр» (недавно захваченный французами у англичан), 32-пушечный фрегат «Ля-Брюнь», бомбардирское судно «Ля-Фример» с 24 пушками, бриг «Экспедицион» и 6 галер. Гарнизон крепости под начальством генерала Шабо состоял из 3 тысяч человек, в том числе 120 кавалеристов; на батареях насчитывалось 650 орудий разных калибров с должным количеством боеприпасов. Продовольствием гарнизон был обеспечен на полгода.

Такова была грозная твердыня французов, считавшаяся, подобно Измаилу, неприступной. Полагали, что её нельзя взять прямо штурмом, а лишь измором, после долгой осады. При входе в Адриатику остров Корфу играл ту же роль, что прославленные Гибралтар и Мальта, тоже расположенные в Средиземном море.

Всё это, разумеется, хорошо было известно Ушакову, не скрывавшему от себя трудностей предстоящих ему операций. Однако они оказались всё-таки сложнее, чем это предполагалось.

Как только на Корфу дошла весть об освобождении острова св. Мавры, среди корфиотов, как называли тогда жителей острова Корфу, вспыхнуло восстание. Оно было подавлено французами с беспощадной жестокостью, и потому прибытие в конце октября передового отряда капитана Селивачёва было радостно встречено жителями Корфу. На предложение капитулировать французский генерал Шабо ответил категорическим отказом. Тогда Селивачёв приступил к блокаде острова, чтобы помешать подвозу провианта и войск противника. Это было дело нелёгкое. Отряд Селивачёва состоял из трёх кораблей и трёх фрегатов; но из них один корабль и два фрегата были турецкие, рассчитывать на которые, строго говоря, не приходилось. Селивачёв доносил Ушакову, что суда союзника прячутся за русскими или держатся в безопасном отдалении. Несмотря на это, русские корабли осуществляли блокаду. Они захватили несколько торговых судов, 18-пушечную шебеку¹ с экипажем в 100 человек и неоднократно загоняли обратно в гавань корабль «Женере», пытавшийся прорвать блокаду и уйти.

Недели через две к Корфу подошёл Ушаков с четырьмя кораблями и двумя фрегатами. Теперь более тесную блокаду несли около 20 судов, но на деле вся тяжесть её

¹ *Шебека* — длинное, узкое, остроконечное судно в Средиземном море для лёгкой военной службы и крейсирования.

попрежнему ложилась только на русские суда, ибо турецкие выполняли свои обязанности весьма недобросовестно. «Дела сколько здесь ни есть, — сообщал в Петербург Ушаков, — вся блокада, во всех рассылках и местах и все успехи производимы были одними моими только судами, а с турецкой эскадры когò ни посылал я, пойдёт часа на два, а потом и возвращается назад; когда велю где крейсировать и не приходите назад к флоту, то отошед, остановятся на якорь и дремлют во всё время без осмотрительности».

Вследствие недостатка десантных войск Ушаков не мог приступить к решительным действиям. «Если бы я имел со мной один только полк русского сухопутного войска, — доносил Ушаков царю, — непременно надеялся бы я Корфу взять, соединяясь с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войска, кроме наших, к этому не допускать». Но русского полка в распоряжении Ушакова не было, и ему пришлось пока что ограничиться блокадой.

182629
Общее положение осложнялось ещё тем обстоятельством, что Ушакову пришлось выдержать упорную борьбу с вышеупомянутым Али-пашой, таившим предательские замыслы. В бумагах, отобранных у пленных французов на острове св. Мавры, были обнаружены письма, адресованные французскому командованию, в которых Али-паша объяснял, что он всегда был другом французов, русских же называл своими врагами и советовал французам до последней возможности защищать крепость св. Мавры. Из этих же писем явствовало, что Али-паша состоял в переписке и с генералом Шабо, защищавшим Корфу. Как вассал султана, Али-паша должен был по договору прислать Ушакову сухопутный десант, но он, несмотря на повторные требования, и не думал этого делать. Тогда адмирал отправил к Али-паше лейтенанта Метаксу. Обстановка, в которой Метаксе пришлось вести переговоры с пашой, не особенно считавшимся с распоряжениями из Стамбула, могла нагнать страх на кого угодно. Достаточно сказать, что главная лестница в доме Али-паши была украшена человеческими головами, сложенными пирамидками на подобие пушечных ядер. Однако такая картина несколько не смутила молодого русского моряка, с горстью людей на маленьком судне заброшенного в настоящее разбойничье гнездо. Твёрдо, спокойно, но с рукой на эфесе шпаги, Метакса от имени русского адмирала потребовал, чтобы Али-паша прислал десант, и тот подчинился. Он, действительно, несколько

позднее прислал 2 500 албанцев, но сделал это с задней мыслью, надеясь после ухода русских удержать за собой Корфу. Замысел Али-паши не был тайной для жителей острова, боявшихся турок и албанцев больше, чем французов. Это повело к тому, что с прибытием албанцев население стало уклоняться от оказания помощи русским, а часть его даже стала одно время на сторону французов. Правда, притеснения последних, грабивших во время блокады местное население, довольно скоро образумили сторонников французской ориентации и заставили их изменить линию своего поведения.

Став на якорь у Корфу, Ушаков высадил на сушу отряд в 128 человек, занявший к северу от города холм против форта св. Авраама, где ночью была устроена батарея из 9 орудий. Вылазка, немедленно же произведённая неприятелем, была с успехом отражена. Другая батарея с 13 морскими солдатами и 6 артиллеристами была устроена при помощи вооружённых жителей с южной стороны крепости на холме св. Пантелеймона. Несмотря на свою слабость, эти батареи сильно затрудняли противника в отношении фуражировок¹. Французы решили уничтожить русские батареи, и генерал Шабо с отрядом в 600 человек при двух орудиях сам повёл атаку на южную батарею. 1 500 вооружённых жителей острова, дрогнув под стремительным натиском французов, обратились в бегство, были захвачены 17 русских солдат, двое успели спастись на лодке, 3 орудия достались неприятелю.

В тот же день неприятель, ободрённый успехом, обрушился на северную батарею, которую защищали 310 русских, 100 турок и 30 албанцев. Наступление французов в количестве тысячи человек, при участии кавалерии, велось с трёх сторон. Упорный бой длился с полудня до самого вечера. Уже стемнело, и успех врага казался несомненным. Но в последнюю минуту русские, выйдя из-за прикрытия, с криком «ура!» ударили в штыки; противник был опрокинут и отступил, оставив на месте сражения 100 убитых и множество раненых; русские потеряли убитыми 31 человека и 72 ранеными. Повторявшиеся в дальнейшем нападения французов на эту батарею неизменно, до самой сдачи крепости, были отражаемы с большим для них уроном.

К концу ноября эскадра Ушакова с прибытием новых отрядов значительно усилилась. Пришёл, между прочим, и

¹ *Фуражировка* — добывание припасов в военное время военными командами.

отряд капитана Сорокина, посланного к берегам Египта на помощь английскому адмиралу Нельсону против войск Наполеона. Однако из-за недостатка сухопутных войск Ушаков не мог приступить к решительным действиям; оставалось лишь продолжать осаду. Она протекала в крайне тяжёлых условиях. Турецкие чиновники, обязанные доставлять союзному флоту продовольствие, бездействовали, и на судах остро чувствовался недостаток в съестных припасах; в результате скудного питания и трудных работ среди команд начались тяжёлые заболевания. К тому же наступила холодная, дождливая погода, от которой люди страдали не меньше, чем от недоедания. В это время темнота и ненастье помогли французскому кораблю «Женере» ночью бежать с острова Корфу.

Вот как сам Ушаков характеризовал в письмах к русскому посланнику в Стамбуле состояние своей эскадры в то время. «Наши служители¹, — сообщал адмирал, — от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть, или же обмороженными в грязи, но всё терпеливо сносили и с великой ревностью старались».

А между тем эти доблестные соратники Ушакова, в течение многих недель безропотно страдая от холода и голода, не могли из-за недостатка в снарядах даже обстреливать вражескую крепость. «Недостатки наши, — продолжал в том же письме адмирал, — бывшие при осаде Корфу, во всём были беспредельны, даже выстрелы пушечные необходимо было беречь для сильной и решительной атаки, посему с прежних батарей всегда стрелять я запрещал и не мог постоянно наносить желаемого вреда неприятелю».

Вообще крайний недостаток ощущался буквально во всём: «Офицеры и служители, — писал тогда же Ушаков, — за долгое время вовсе не получают жалованья и никакого довольствия; по неимению припасов невозможно приступить к исправлению кораблей... Из всей древней истории не знаю я и не нахожу примеров, чтобы когда какой флот мог находиться в отдалённости без всяких снабжений и в такой крайности, в какой мы теперь находимся... Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голода».

В таких условиях кое-кто из офицеров начал было поговаривать о том, что не лучше ли будет прекратить бло-

¹ Имеются в виду матросы и солдаты.

каду Корфу до тёплого времени, но Ушаков тотчас же пресекал подобные рассуждения. Он понимал, что прекращение блокады пойдёт только на пользу французам, которые за зиму успеют получить подкрепление из Италии. Невзирая на перечисленные трудности, Ушаков неуклонно шёл намеченным им путём, ни минуты не сомневаясь в стойкости и преданности своих матросов. И действительно, вера в русского простого человека, в его самоотверженность и преданность долгу не обманули его. Подкреплённый этой верой, Ушаков, по свидетельству Метаксы, «гордясь усердием своих моряков... сам действовал неусыпно, показывая всегда одинаковое расположение духа: он был всегда весел, в трудах, как на отдыхе, между христиан и среди магометан, на батареях и в каюте своей».

В конце января 1799 г. к Корфу были стянуты почти все морские силы союзников; составилась эскадра из 12 линейных кораблей, 11 фрегатов и нескольких мелких судов. Общее число присланных Ушакову албанских войск доходило до 4 250 человек вместо обещанных Турцией 10 тысяч. Но эти войска представляли собой скорее тяжёлую обузу, чем действительную помощь: не имея ни боеприпасов, ни провианта, они отличались кроме того отсутствием дисциплины и неорганизованностью. А тут ещё самоуправство турок вызывало естественное недовольство местных жителей. Русским морякам постоянно приходилось заступаться за притесняемых турками корфиотов.

Итак, разного рода трудности и осложнения увеличивались для русских с каждым днём. Но это не помешало им приступить к прерванным из-за холодов осадным работам. Соорудили на холме Пантелеймона новую батарею, вооружённую корабельными и полевыми орудиями. Вскоре построили ещё одну батарею. И та и другая наносили большой вред французам, пытавшимся делать вылазки.

В середине февраля занялись обучением моряков действиям на суше. Затем начаты были непосредственные приготовления к штурму: заготавливались фашины, штурмовые лестницы, доски для перехода через рвы, топоры, лопаты, верёвки. В своей инструкции Ушаков предостерегал моряков, что, по слухам, в некоторых местах острова брошены колючки, прикрытые землёй, а сверх неё травой, так что «без осторожности можно на оные попортить ноги, а потому надлежит иметь осторожность».

План штурма, разработанный Ушаковым, намечал последние занятия в первую очередь острова Видо направить потом все силы против Корфу. Было установлено 130 особых сиг-

налов. Мероприятие это сосредоточивало в руках адмирала управление всеми операциями. Ушаков имел возможность благодаря этому распоряжаться операциями не только своих судов, но и всего десанта. Всё было предусмотрено адмиралом: будучи моряком, он распоряжался и действовал на суше, как опытный генерал.

Особым воззванием к местным жителям Ушаков приглашал их принять участие в предстоящем деле. Однако из населения почти никто не явился, так как они считали, что действия союзников против французов будут неудачны. Что же касается албанцев, то они, ссылаясь на своё неумение штурмовать морские крепости, просто отказались брать остров Видо. Разгневанный Ушаков презрительно сказал им через переводчика: «Ну и ступайте все на ту гору при нашей батарее и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на ваших глазах возьму Видо и все его грозные батареи». Албанцы присоединились к штурмующим только тогда, когда успех союзников не подлежал уже сомнению.

В успехе Ушакова сомневались и в Стамбуле. По свидетельству русского посланника, на совещании дипломатов турецкие министры утверждали, что крепость Корфу нельзя взять штурмом. Вопреки подобным высказываниям, сами русские моряки и солдаты были уверены в победе.

Штурм был назначен на 18 февраля 1799 г. В своём приказе командующий союзными силами предписывал: «По оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростью, благоразумно и сообразно с законами штурма. Надеюсь на ревность и усердие командующих».

4

Наступило 18 февраля. С ночи поднялся северо-западный, благоприятный для атаки, ветер. В 7 часов утра на флагманском¹ корабле «Св. Павел» взвился сигнал, возвещавший морским и сухопутным силам союзников начало общего нападения на неприятеля.

Тотчас же эскадра снялась с якоря. Фрегаты и мелкие суда двинулись к острову Видо, громя ураганным огнём береговые батареи, сметая с лица земли траншеи и окопы. Становясь на якорь на расстоянии картечного выстрела,

¹ Флагманским кораблём называется судно, на котором находится (держит свой флаг) командующий соединением кораблей (флагман).

суда разворачивались бортом к берегу. За передней линией судов шла вся остальная эскадра и, согласно диспозиции, становилась точно против заранее намеченных на Видо батарей. Один корабль и два фрегата, по приказу Ушакова, не упустившего ни одной подробности, держались против мыса Децидеро, огнём своих орудий преграждая французам возможность переброски подкрепления с Корфу на Видо.

Успех всех этих действий полностью был обусловлен русскими судами, так как турецкие, как доносил адмирал, находились позади русских и в отдалении от острова. «Если они и стреляли на оный, то через нас и два ядра в бок моего корабля посадили с противоположной стороны острова».

Когда к 11 часам утра огонь неприятельских батарей ослабел, на остров Видо был высажен десант, две трети которого состояли из русских. Быстро преодолев передовые укрепления, десант достиг середины острова, где противник оказал упорное, но безуспешное сопротивление: «Храбрые войска наши, — читаем в донесении Ушакова, — мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побеждён... В плен взят бригадный генерал Пиврон, комендант острова и ещё 422 человека, среди них 20 офицеров». К 2 часам дня весь остров Видо был во власти русских, везде уже развевались на нём русские флаги. Теперь можно было сосредоточить все силы против самого острова Корфу.

С судов союзной эскадры на Корфу высадился десант для подкрепления русских войск, уже штурмовавших главную крепость со стороны укреплений св. Сальвадора и св. Авраама. Невзирая на стойкое сопротивление гарнизона, осаждающие спустились под пушечным и ружейным огнём в глубокие рвы, приставили штурмовые лестницы, взобрались на высокие стены и завладели двумя важнейшими внешними фортами. Противник, не выдержав натиска русских моряков, отступил во внутреннюю крепость.

Взятие острова Видо и передовых укреплений Корфу решило судьбу этой твердыни. «Корфиотские укрепления, — рассказывает в своих «Записках» лейтенант Метакса, участник славного штурма, — неприятельские военные суда, батареи союзников, десять линейных кораблей и семь фрегат пылали огнём. Казалось, что гром пушек заставил умолкнуть самый ветер, обратив его ярость в совершенный штиль; отдалённое эхо, повторяя между горами Албанского берега русскую пальбу, возвещало скорое падение неприступной Корфу».

Русские войска уже готовились к последнему приступу. Неприятель, убедившись «в том самоотвержении, с каким осаждающие готовы были возобновить нападение», понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Вечером того же дня генерал Шабо предложил Ушакову вступить в переговоры о перемирии. «Я всегда на приятные разговоры согласен», — иронически любезно ответил Ушаков. Отдав приказ о прекращении военных действий на 24 часа, он послал выработанные им условия сдачи.

20 февраля на борту «Св. Павла» французами были подписаны условия капитуляции знаменитой крепости. В плен сдалось без малого 3 тысячи человек, среди них 4 генерала, один линейный корабль, один фрегат и 18 других судов. Русские получили богатые трофеи: 636 пушек, 5 500 ружей, 137 тысяч ядер, 132 тысячи патронов, более 3 тысяч пудов пороха и огромные запасы различного продовольствия¹.

Согласно условиям капитуляции, весь гарнизон по выходе из крепости выстроился во фронт и сложил оружие и знамёна перед строем своих победителей. Победённые обязались в течение полутора лет не участвовать в военных действиях против России и её союзников. Генералам и офицерам возвращены были их шпаги, за что они были крайне признательны Ушакову.

Французы вообще были поражены благородным поведением русских. При взятии острова Видо русским морякам приходилось, ведя горячий бой, одновременно сдерживать жестокость турок против пленных французов.

Взятие Корфу — один из самых выдающихся подвигов в истории морских войн. Прославленная крепость была взята при недостаточном количестве осадных орудий, снарядов, сухопутных сил, продовольствия, одежды, обуви и ненадёжности союзных недисциплинированных войск. Подобный подвиг был возможен только благодаря прекрасной боевой подготовке личного состава эскадры Ушакова, исключительному героизму его моряков и высокому искусству самого адмирала.

Как велико было значение капитуляции Корфу, — точно определил Суворов. Узнав об этом событии, гениальный полководец, никогда не склонный к лёгким похвалам, воскликнул: «Великий Пётр наш жив! Что он по разбитии в 1714 г. шведского флота при Аландских островах произнёс,

¹ См. Р. Скаловский, Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова, СПб, 1856, стр. 326.

а именно: Природа произвела Россию только одну, она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! русскому флоту... Зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Эти слова Суворова Ушаков и его сподвижники считали для себя большою наградой.

Павел прислал Ушакову грамоту на чин полного адмирала, Фердинанд IV, король неаполитанский, — ленту св. Януария, султан Селим — челенгу (алмазное перо на шляпу) — по обычаю Турции высшая награда, две золотые табакерки с бриллиантами и 3 500 турецких червонцев в награду офицерам и рядовому составу русской эскадры.

Победы русского флота на островах Ионического архипелага оказали немаловажное влияние на пробуждение и развитие освободительного движения среди сербского населения Балканского полуострова. Сербы, черногорцы, далматы (сербо-хорваты), которым с севера, в лице Австрии, грозило немецкое угнетение, никогда не мирились с результатами мусульманского нашествия на их родину. Национальная независимость! — таков всегда был лозунг героического сербского народа, исстари уповавшего в деле своего освобождения на братский русский народ. При Петре I, во время русско-турецкой войны, сербские полковники Вулин и Тукелин готовы были по первому знаку победителя под Полтавой выступить во главе десяти тысячного войска. В середине XVIII века при императрице Елизавете, дочери Петра, из австрийских владений в Россию переселилось так много сербов, что у нас на юге образовалась целая область под названием Новая Сербия. Знаменательные события на Средиземном море, описанные выше, ещё больше укрепили связь между Россией и сербским народом.

Население архипелага всеми способами выражало русским свою благодарность и глубокое уважение. В память великой победы были выбиты на островах особые медали, Ушакову поднесли шпагу, осыпанную бриллиантами, от каждого острова к адмиралу являлись многочисленные депутации.

Освободив Корфу, Ушаков приступил к введению на островах нового государственного порядка. Он создал на Ионических островах республику, считая что эта форма управления обеспечит относительную самостоятельность вновь возникшего небольшого государства, должногo стать под протекторат России и Турции. Вся сложная организационная работа по государственному устройству островов

была проведена под непосредственным наблюдением Ушакова, причём целый ряд основных актов республики был написан лично им самим.

Быстрота и успешность, с какой он справился с этой вообще нелёгкой задачей, сумев при этом прекратить начавшуюся было внутреннюю борьбу между дворянскими партиями и оградить, что особенно следует отметить, права других сословий от посягательств на них со стороны дворянства, заставляют признать в Ушакове выдающегося государственного деятеля.

Наряду с устройством управления «Республики Семи островов», как названо было государство, созданное на них, адмирал, разумеется, не забывал о делах своих доблестных соратников, трудами и подвигами которых и было создано новое государство. Особое внимание обратил Ушаков на госпитали, которые содержались в идеальной чистоте и были снабжены, несмотря на затруднения, как нужными медикаментами, так и превосходным продовольствием. «Адмирал, — рассказывает Метакса, — почти ежедневно посещал госпитали, входил во все подробности продовольствия и пользования (т. е. лечения. — Авт.) и, расспрашивая больных о нуждах их, с отеческим чувством говорил раненым: «Вы сделали, ребята, своё дело, теперь я исполняю свой долг».

Одновременно с этим Ушакову приходилось думать и о готовности на случай возобновления военных действий. Однако на этот раз уже не против французов, а против своего союзника. Али-паша не мог равнодушно смотреть на результаты русских побед и захваченные трофеи: он желал получить значительную часть их и готов был на измену. По поводу этого адмирал писал русскому посланнику в Стамбуле следующее: «Я его (Али-пашу) к разделу от занятия им обще с нами крепости не принимаю... Говорят, что он намерен ввести сюда десять тысяч войск; если он предпримет такую дерзость, я почти за бунт против Блистательной Порты¹ и против нас и прикажу военным судам нашим *топить* все *его суда*, на которых войско его переправляться будет, если и *он сам с ним будет*».

Таково было непреклонное решение русского флотоводца. По первому его знаку русские суда должны были начать новые военные действия. А между тем, судя по донесению самого же Ушакова адмиралу Кушелеву, материальное состояние русской эскадры тогда было совсем печальное. По-

¹ Старинное название турецкого правительства.

ловина кораблей и большая часть фрегатов сильно протекали; с некоторых судов даже спадала верхняя обшивка, гвозди проржавели и сами вываливались, паруса износились и т. д. Всё это нужно было ремонтировать, корабли килевать¹, такелаж сменить², в то время как, по сообщению Ушакова, «здесь к килеванию ни смолы, ни гарпиусу³, ни серы горючей, ни гвоздей, ни железа, ни кеньки, ни лесу на бимсы⁴, словом сказать, ничего нет».

Али-паша не мог не знать о таком состоянии русской эскадры и о других испытываемых ею тогда затруднениях. Многие были убеждены, что он воспользуется удобным моментом и осуществит свой план. Но замысел паши так и остался всего лишь замыслом. Угроза русского адмирала оказалась достаточной, чтобы обуздать Али-пашу, перед именем которого дрожало всё западное побережье Балканского полуострова.

С освобождением архипелага задача, возложенная на русскую эскадру, была закончена. Ушаков получил возможность приступить, наконец, к основательному ремонту своих судов. В этом вообще была крайняя необходимость, да к тому же русской эскадре вскоре пришлось вместо возвращения в Севастополь действовать в западной части Средиземного моря.

5

Австрия, изнемогавшая в 1799 г. в борьбе с французами, умоляла русского царя о помощи, и получила её.

К осени 1799 г. Суворов со своими «чудо-богатырями» уже освободил от французов Северную Италию, где они с трудом держались только в приморской Генуэзской области. В центре и в южной части Апеннинского полуострова во власти французов были Римская область и Неаполитанское королевство. Фердинанд IV, бежавший из Неаполя на остров Сицилию, в Палермо, также взывал о помощи к Павлу I. Ушаков и Суворов получили предписание оказать помощь неаполитанскому королю флотом и войсками.

¹ *Килевание* — накрещение судна в целях ремонта и очистки от ракушек и водорослей его подводных частей.

² *Такелаж* — снасти судна, все его верёвочные части.

³ *Гарпиус* — иначе канифоль — полупрозрачная смола хвойных деревьев.

⁴ *Бимсы* — брусья, служащие основанием палубы и связывающие бока судна.

Действия русского флота начались плаванием отряда капитана Сорокина вдоль восточных берегов Италии. Противник был устрaшен падением Корфу и очищал один прибрежный пункт за другим.

Появление отряда Сорокина в Бриндизи вызвало среди неприятеля такую панику, что французский комендант, только что усевшийся обедать со своим штабом, тотчас же бросился бежать из города, увлекая за собою весь гарнизон. Бриндизи был взят без боя. Отсюда, держась ближе к берегу, Сорокин проследовал к северу, получая отовсюду известия о том, что один лишь слух о приближении русских моряков заставляет французов бежать внутрь страны. Развевавшиеся в прибрежных городах и селениях национальные итальянские флаги наглядно подтверждали эти известия. Плавание небольшой эскадры Сорокина до Манфредонии сопровождалось восторженными овациями с берега.

В заливе Манфредонии был высажен русский десант в 600 человек под командой капитан-лейтенанта Белли, заданием которого было притти на помощь Неаполитанскому королевству с суши. Выступивший навстречу Белли двухтысячный отряд неприятеля рассеялся без боя, и десант русских моряков, по дороге подкрепляемый местными добровольцами, быстро пересек страну с востока на запад.

1 июля Белли подошёл к Неаполю. Передовой форт города Гранателло был уже покинут неприятелем. Оставив здесь ополченцев, Белли продолжал наступать к Неаполю, держась берега. По дороге десант взял штурмом форт Вильена, водрузив на нём итальянский флаг. Навстречу русским выступил во главе двухтысячного отряда французский генерал Виртц, занявший предместное укрепление; с моря Виртца поддерживала флотилия вооружённых лодок. Свои действия Белли начал обстрелом флотилии: сильным огнём были потоплены две лодки, остальные отступили. Затем Белли стремительным ударом в штыки выбил французов из предместного укрепления и обратил их в бегство. В этом деле противник потерял 6 орудий и много убитыми и ранеными. Был убит и генерал Виртц. На следующий день после кровопролитного штурма был взят самый город. В тот же день было получено известие о приближении нового неприятельского отряда в тысячу человек. Белли выслал против него 130 человек при двух пушках. Эта горсть людей ударила в штыки с такой яростью, что противник бросился врассыпную. Столица Неаполитанского королевства была освобождена.

Подвиг Белли, награждённого орденом Анны 1-й степени¹, Суворов оценил следующими словами: «Сделанное капитан-лейтенантом Белли в Неаполе, — писал фельдмаршал Павлу I, — доказывает, что русские люди на войне всех прочих бить будут, да и тех, что с ними, тому же научат».

Необходимо отметить, что после взятия Неаполя там начались неистовства монархистов, не щадивших никого из республиканцев: одних они расстреливали пушками, другим отрубали головы или вешали. Среди этих ужасов терроризованное население искало спасения у русских. Дома, занятые ими, были домами-убежищами, ибо глубокое уважение к русским охраняло их жилища от вторжения и обысков хунты². Белли многим помог тайно бежать из Неаполя, за других заступался открыто и всегда достигал успеха. Старания русских сдерживать террор вызвали глубокую к ним благодарность неаполитанцев. «Срам Италии и слава русским!», — писал по этому поводу итальянский историк Ботта.

В начале августа Ушаков во главе союзной эскадры прибыл в Палермо. Здесь произошёл бунт турецких матросов, заявивших, что они не желают более воевать вдали от родины. Султанская эскадра вскоре ушла в Стамбул. Русские остались одни, нисколько, впрочем, не жалея об отсутствии ненадёжного союзника.

Задача русской эскадры заключалась тогда в том, чтобы помочь Неаполитанскому королевству очистить от оккупантов Римскую область и освободить от французов остров Мальту, который английские, португальские и неаполитанские суда бесплодно блокировали больше года. В начале сентября Ушаков, облечённый Фердинандом IV всей полнотой власти, бросил якорь в водах Неаполя и стал готовиться к походу на Рим.

Французский генерал Гарнье, узнав о приготовлениях Ушакова, согласился по предложению Нельсона сдать Рим на очень выгодных для французов условиях неаполитанскому генералу Буркарду. Римляне, однако, прекрасно понимали, кто были их действительными избавителями. Когда русский отряд в количестве 820 гренадеров и 200 матросов триумфально вступил в стены вечного города, он был встречен восторженными овациями: «Вот те, которые

¹ 1-я степень этого ордена давалась при Павле I только генеральским чином.

² Хунта — временный верховный суд.

всегда бьют французов и которых французы боятся! Вот наши избавители! Недаром французы поспешили отсюда убраться», — кричали жители Рима, бросая цветы под ноги русским морякам.

Со своей стороны король Фердинанд в письме к Ушакову подчёркивал, что освободителем Рима является русский флот и что спокойствием, воцарившимся в Неаполитанском королевстве и Римской области, он, король, обязан только русским морякам.

Авторитет русского имени благодаря подвигам «ушаковцев» необычайно возрос во всех странах, омываемых Средиземным морем. Примером этого может служить следующий, весьма показательный случай. По просьбе итальянских властей лейтенант Македонский на бриге «Экспедицион» конвоировал несколько сардинских транспортных судов, опасавшихся нападения корсиканских моряков¹. Ночью, пользуясь темнотой, не корсиканская, а тунисская эскадра захватила около острова Эльбы эти транспорты. Герцог Генуэзский, наместник Фердинанда IV, обратился за содействием к Ушакову. Адмирал отправил в Тунис лейтенанта Македонского на том же бриге «Экспедицион».

Тунисский дей (правитель), подвластный султану, на деле чувствовал себя почти самодержавным государем. К тому же Тунис, подобно соседнему Алжиру, с XVI века был хорошо организованным государством, располагавшим сильным флотом. Тунисские и алжирские корсары (пираты) наводили ужас на всё Средиземное море. Не признавая никаких норм международного права, они в мирное время грабили европейские суда не только в открытом море, но и у самых берегов Испании, Франции, Италии. Испания на вершине своего мирового могущества (XVI век) не могла укротить Тунис и Алжир, тем более были бессильны это сделать другие державы². Однако, несмотря на всё это, русский лейтенант Македонский, под командой которого состояло только 2—3 десятка человек, был принят в Тунисе с должным уважением. Он категорически потребовал от дея, окружённого пышной свитой, освобождения захваченных сардинцев. «Суда сардинцев, — сказал лейтенант, — шли под охраной русского военного судна, следовательно, затронута честь России, а потому должно быть дано удовлетворение, иначе...», — и лейтенант сделал жест в сторону

¹ В то время остров Корсика уже принадлежал Франции.

² Алжир был завоёван Францией в 1830 г., Тунис признал французский протекторат в 1882 г.

моря, как бы говоря: «Иначе ждите в гости самого адмирала». Но у дея не было ни малейшего желания близко познакомиться с Ушак-пашой, который за несколько лет перед тем на Чёрном море превратил в щепки отборные тунисские суда¹.

Пленные были освобождены без всякого выкупа, что не входило в обычаи тунисцев. Правда, перепроданные в третьи руки суда не были возвращены, но герцог Генуэзский и не просил об этом.

Тем временем Ушаков деятельно готовился к походу на Мальту, осуществить который так и не удалось: 20 декабря русская эскадра уже вышла в море, но по дороге, в Мессине, было получено приказание Павла I о возвращении русского флота в Чёрное море. Международная обстановка снова резко изменилась. Павел I, возмущённый предательским поведением союзников-австрийцев, подло бросивших на произвол судьбы русскую армию в Италии, вышел из антифранцузской коалиции.

Победоносная русская эскадра направилась в обратный путь на родину, с новыми почестями была принята в Стамбуле, и в октябре 1800 г. вошла на рейд Севастополя, оставленный ею более двух лет тому назад.

Средиземноморский поход кончился, а вместе с ним кончилась и боевая деятельность самого Ушакова².

Благодаря победам своего флота на Средиземном море Россия покрыла себя неувядаемой славой и приобрела реальные выгоды: на Ионических островах была создана в то время база не только политического влияния России, но и военная база—русский аванпост в Европе и на Ближнем Востоке. Несколько лет спустя, во время новой войны с Наполеоном (1806—1807), остров Корфу служил базой для действий русского флота, снова прославившего себя под начальством Д. Н. Сенявина громкими победами на Адриатическом море. Вместе с тем оставленные (по договору Ушакова с Турцией) открытыми Босфорский и Дарданельский проливы обеспечивали для юга России быстрое развитие его торговли со странами Средиземноморского бассейна.

¹ В конце русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Турция, собирая последние силы, мобилизовала в Египте, Тунисе и Алжире лучшие корабли. Кроме двух-трёх все они были уничтожены русскими морями.

² Назначенный в 1802 г. главным командиром Балтийского гребного флота, к которому он никогда никакого отношения не имел, Ушаков в 1807 г. вышел в отставку. Последние годы своей жизни адмирал уединённо жил на скромную пенсию (в размере половинного жалованья) в Тамбовской деревне, где и скончался в 1817 г.

Всякий флот с течением времени меняет свою материальную часть, его техническое оснащение совершенствуется, его вооружение приобретает всё более грозную силу. Но храбрость и самоотверженность его личного состава не теряет от этого своего исключительно важного значения.

Между парусными судами, на которых «ушаковцы» некогда одерживали свои громкие победы, и современными судами, на которых в дни Великой отечественной войны наши героические моряки громят фашистских варваров, с внешней стороны мало общего. Но по духу, по высоким традициям это всё тот же наш родной победоносный флот, всё те же отважные и храбрые русские моряки — прямые потомки доблестных «ушаковцев», высоко прославивших родину свою победами.

Редактор *Н. Фройнд*.

Подписано в печать 20 сентября 1944 г.
Тираж 50 000 экз. А 11228. Объем
2 п. л. Заказ № 447. Цена 50 коп.

3-я типография «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при
СНК РСФСР. Москва, Краснопроле-
тарская, 16.

П. 58 г.

48

u

50 коп.

50